

Новая Польша 2/2017

0: Прощание с Ежи Помяновским

В январе ему исполнилось бы 96 лет. В принципе, он жил проблемами современности и ближайшего будущего, однако, когда вспоминал о временах своей молодости, остро ощущалась атмосфера тридцатых годов, сотканная из встреч «юноши со школьной скамьи» с Виткевичем, Гомбровичем и Шульцем, а также жестоких нападений боевых отрядов «Фаланги», которые он испытал на собственной шкуре.

Он уехал из ПНР после 1968 года, но даже когда его не было, по Польше ходили его каламбуры и рассказы о забавных ситуациях, в которые он ставил угрюмых чиновников сталинских времен своими шутками. Ведь юмор всегда был его оружием.

Однако оно не было бы столь эффективным, если бы не твердые принципы, которых он придерживался, не пряча их за излишними аргументами или сентиментальностью. В этом смысле он напоминал Ежи Гедройца.

Так, в политических вопросах для обоих важнее всего были польские государственные интересы, основанные на мудрой восточной политике, излеченной от комплексов и национальной мегаломании. Когда в начале 90-х годов он, после долгого перерыва, собирался в Москву, то сказал, что намерен разговаривать там не только с демократами, но также с твердолобыми коммунистами и националистами, чтобы понять Россию, возникающую из руин империи, и искать в ней людей, дружественных Польше.

Диалог Ежи Помяновского с Россией был основан не на расточении комплиментов, тем более что он довольно быстро и твердо ставил вопрос о независимости и безопасности Украины.

Те, кого интересует его аргументация, могут обратиться к нескольким томам его статей, вышедших после 1989 года, и к подшивкам ежемесячника «Новая Польша», который он основал в 1999 году и которым руководил как главный редактор.

В первых сообщениях о смерти Ежи Помяновского чаще всего писали (и справедливо) о его крупных переводческих достижениях: переводах рассказов Исаака Бабеля и произведений Александра Солженицына, прежде всего «Архипелага ГУЛАГ». Однако мне хотелось бы обратить внимание на его переводы русской и немецкой поэзии, частично собранные в книге «Контрабанда».

Ежи Помяновский, дебютировавший в прессе некрологом Болеслава Лесьмяна, несомненно, сам был выдающимся поэтом. Его поэзия состояла не всегда из стихов и не только из слов.

1: In memoriam

Юзеф Хен, писатель

Познакомились мы, наверное, лет семьдесят тому назад. Я — уже после дебюта, он — после работы в медицине, но с явной литературной страстью. И эта страсть у него, как я догадался, со школьных лет. Мечислав Яструн, выдающийся поэт, его учитель по довоенной гимназии в Лодзи, признался мне, что боялся этого ученика: он все знал лучше. Не как „besserwisser”, самодовольный всезнайка — он на самом деле знал лучше.

Нас сближало трудное прошлое, запутанные военные приключения (если это можно назвать «приключениями»), познание России, опыт, который остался у нас в памяти, близость с людьми — у него, естественно, по большей части из интеллигентских кругов, у меня с выходцами из низов. Ну и зародившиеся в те времена сходные читательские увлечения. И наконец — кино. В шестидесятые годы Ежи Помяновский был литературным руководителем киностудии, на которой по моему сценарию снимали фильм «Два ребра Адама». Сотрудничество — профессиональное, но обращение тактичное (что редкость в этой среде).

Помню, что в качестве театрального критика он защищал приехавший в Польшу театр Брехта, на который у нас, с подачи товарищей из ГДР, пытались нападать. Защита была весьма эмоциональной и, насколько я помню, эффективной. Он не сразу сообщил, что переводит Бабеля. Эти переводы, когда они наконец вышли, были сразу признаны мастерскими.

Я старался, насколько мог, читать русскую литературу в оригинале. Как-то раз, один в доме у дочери, я открыл «Одесские рассказы» Бабеля, тонкую книжечку в переводе Помяновского. Меня восхитил этот плотный, чувственный и необыкновенно изобретательный польский язык. Я невольно задумывался, как то или иное предложение могло звучать по-русски. Как с этим справился Бабель. Такой извращенный мыслительный процесс: как будто Бабель переводил Помяновского.

Когда в Париже начали выходить по-польски произведения Солженицына в отличных переводах какого-то Михала Канёвского, у меня не было сомнений, что эту работу выполняет Ежи Помяновский, как раз тогда преподававший в итальянских университетах. Ведь помимо прекрасного пера, требуется еще знание реалий. А его иногда явно не хватало переводчикам-эмигрантам.

Не могу опустить здесь одну личную заметку — именно благодаря синьору профессору во Флоренции вышли две мои книги: «Via Nowolipie» и «L'occhio di Dayan» «Улица Новоліппе» (итал.) — книга воспоминаний о жизни в довоенной Варшаве. «Глаз Даяна» (итал.) — сборник рассказов об антисемитской кампании в Польше в 1968 году. Именно он убедил владельца издательства «La Giuntina», что перевод моих книг — дело стоящее. Точно так же он понимал свои обязанности перед польской литературой в качестве автора и главного редактора «Новой Польши». Читал всё, что, по его мнению, было этого достойно. Речь ведь о том, чтобы сделать доступным для русского читателя то, что достойно его внимания. Однако, читая, выбирая, нужно уметь позволить себе некоторую толерантность — помнить, что произведение, которое нам не совсем по вкусу, может заинтересовать читателя, быть для него ценным.

«Чтение — это большое искусство!» — с сожалением признавался Адольф Рудницкий^{Адольф Рудницкий (1909–1990) — польский писатель и эссеист}. в своих воспоминаниях, озаглавленных «Запоздалая ветка сирени», когда, перечитывая Юлиана Тувима после его смерти, убедился, что не сумел в свое время прочувствовать эту поэзию. Он считал себя счастливым человеком. В книге монологов, записанных для польского радио, он признался в том, в чем редко признаются в нашей юдоли, в нашей схватке с жизнью. Ведь и его жизнь вовсе не была легкой, в ней было немало драматических моментов. Эту его жизнь обогащал восторг, который он выказывал по отношению к тем, чьим искусством — он, мастер пера — восхищался. Как будто чувствовал благодарность за прекрасно написанную фразу. За мысль, которая его тронула. Поистине, необычно его высказывание о Тадеуше Канторе, неординарном художнике, драматурге и смелом постановщике. Прочитую: «Я считаю себя человеком, счастливым уже тем, что видел, знал и наблюдал вблизи таких людей, как Тадеуш Кантор».

Богумила Бердыховская, специалист в области украинской проблематики

С того момента, когда в конце прошлого года пришло известие о смерти проф. Ежи Помяновского, в СМИ появилось много информации о его заслугах в популяризации в Польше русской литературы, а также в области польской культуры в целом. Напоминалось о переводах (подписанных, в том числе, псевдонимом Михал Канёвский) из Александра Солженицына, Исаака Бабеля, Варлама Шаламова, Андрея Сахарова, Евгения Шварца и Михаила Булгакова. Особое место в этих воспоминаниях занимает последнее дело жизни Профессора — создание журнала «Новая Польша», редакцию которого он возглавлял.

Все это правда, но тем не менее образ проф. Ежи Помяновского будет неполным, если не упомянуть его «украинской» деятельности, поскольку Профессор принадлежал к числу тех друзей России, для которых любовь к этой великой стране не заслонила существование Киева, Минска или Вильнюса. Неудивительно, что после смерти Профессора соболезнования в Варшаву прислали, среди прочих, глава украинского ПЕН-клуба Микола Рябчук и Лявон Барщевский из белорусского ПЕН-клуба.

Профессор считал особенно важным поддерживать независимость Украины. На вопрос, в чем состоит первоочередной интерес Польши, он неизменно отвечал: «Им является независимая Украина. Это необходимое и достаточное условие для нашей безопасности» [«Жечпосполита», 29.04.2010]. В другом месте он писал: «Жизненно важный вопрос — это сохранение Украиной независимости» [«Салон24», 13.01.2009]. Не раз он призывал нас не допустить, чтобы наши украинские соседи остались в одиночестве, так как это станет драмой и для Польши, и для самой... России: «Если мы позволим Украине остаться одинокой, а тем самым обреченной на милость и немилость великого соседа — то для Польши это неизбежно станет возвращением к прежней геополитической ситуации. А для России? Стимулом вести ту же, ненужную самой России имперскую политику, которая может привести ее к пропасти, над которой уже стоял Советский Союз в конце своего существования. Имперская политика всегда приводит к конфликту с ближними и дальними соседями. Я не только не желаю этого русским, напротив — я считаю, это пагубным как для Польши, так и для России! Так что поощрять их к этому, отдавая Украину на их милость и немилость, кажется мне nonsensом не только с польской, но и с российской точки зрения» [«Газета wyborcza», Люблин, 17.03.2011].

Особое место в его размышлениях занимали польско-украинские исторические взаимоотношения, в особенности антипольская акция ОУН-УПА на Волыни и в Восточной Галиции. У него не было сомнений, что часть людей, упоминающих эту трагедию, поступает так не во имя уважения к памяти погибших, а ради разжигания антиукраинских фобий: «В течение всего прошлого года 65-я годовщина ужасной волынской резни отмечалась в форме кампании, порой принимавшей тон травли по отношению к Украине и украинцам в целом. Словно — даже в 1943 году — все украинцы были в УПА. Бандеровцем был объявлен Богдан Осадчук, наш верный друг, а коллаборационистом и ренегатом — патриарх Шептицкий, автор призыва «Не убий!». В сеанс ненависти — без защитников и обвиняемых — превратился очередной выпуск программы «Стоит поговорить» на канале TVP». В то же время Профессор однозначно противился замалчиванию волынской резни. «В волынской резне была повинна УПА, и об этом нельзя забывать. Но с кем заключают мир? Именно с вчерашним врагом. А здесь речь идет не просто о мире, а о стратегическом союзе с соседом, которому хорошо известно, что это не Польша хочет господствовать над ним. Шовинистов на Украине сегодня не больше, чем у нас. И раздувание горького пепла

прошлого лишь затемняет нам виды на будущее» [«Салон24», 13.01.2009].

Ежи Помяновский также был участником одной из важнейших дискуссий, посвященных восточной политике, состоявшейся в 2001 году. Когда Бартломей Сенкевич, уважаемый аналитик, будущий министр внутренних дел в кабинете Дональда Туска, написал свою «Похвалу минимализму», которая де-факто была манифестом лагеря противников польской восточной политики, соответствовавшей концепции Гедройца, Профессор ответил острым и блестящим текстом под знаменательным заголовком «Все ошибки уже совершены» [«Тыгодник повшехны», 25.03.2001].

Помимо публицистики важное место в его жизни занимала редакторская деятельность в «Новой Польше». По инициативе Профессора вышло три украинских номера этого журнала. Я имела удовольствие лично заниматься подготовкой одного из них. Постоянно возникали планы запуска украиноязычной версии журнала. Эти планы уже не удалось осуществить...

Профессор прожил долгую и плодотворную жизнь. Его роль как переводчика в том, чтобы сделать часть наиболее важных произведений русской литературы XX века ближе полякам, нельзя переоценить. Любя русскую литературу, он был в то же время одним из самых последовательных друзей Украины в нашей стране. Он хорошо послужил Польше. Почтим его память!

Андрей Базилевский, переводчик

Ежи Помяновский — силой своей энергии, опыта, крепких связей с миром — создал интересный журнал, придав ему именно то направление, которого внутренне придерживался как литератор и общественный деятель. Не всем удастся воплотить свои замыслы столь полно и объемно. Благодаря широте эстетических взглядов основателя журнала, его точному подбору профессиональных сотрудников русский читатель с каждым номером пополняет свое знание о польской культуре. Делая выводы, уточняя свою позицию. Для того и существует подлинная журналистика, чтобы побуждать к размышлениям и добросовестному, бескорыстному созиданию — «поверх барьеров», вопреки сиюминутной конъюнктуре. Помяновский, с его бесспорной приверженностью классу интеллигенции, действовал в жизни как неутомимый поборник интересов этого многоликого класса, представляющего спектр очень разных взглядов на историю и перспективы бытия человека. Я рад, что не только политика определяет облик «Новой Польши».

Войцех Сикора, директор архива Литературного института в Мезон-Лаффите

Ежи Помяновский более тридцати лет принадлежал к числу ближайших сотрудников Редактора Ежи Гедройца, прежде всего как переводчик (в т.ч. «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына) и публицист, специализирующийся в российской проблематике.

Сам Ежи Помяновский так писал о своем сотрудничестве с «Культурой» в одном из писем Редактору в начале 80-х годов:

«Среди многочисленных примеров серьезности и значимости Вашего журнала, привожу Вам и этот: я еще раз осознал, что то, что я написал и перевел для Вас за прошедшие годы, заняло место важнейшего нравственного мотива моего здешнего существования. Как писатель я замолчал на многие годы, отстранил искушение какой-либо известностью, чтобы исполнить то, что казалось мне некоей миссией, и принимать скромное участие в Ваших столь важных усилиях».

Ежи Гедройц высоко ценил Ежи Помяновского и его знание России. Они вместе разработали концепцию русскоязычного ежемесячника «Новая Польша», неутомимым редактором и *spiritus movens*^{Движущий дух (лат.)} которого был Ежи Помяновский.

Даниэль Ольбрыхский, актер

По понятным причинам мои воспоминания о Ежи Помяновском будут особыми, неполными, очень личными, а значит далекими от профессионального совершенства. Всего через несколько месяцев после Анджея Вайды ушел один из самых значительных людей, которых мне довелось узнать на протяжении последнего полувека. Об Анджее Вайде я писал и говорил в бесчисленных интервью на многих языках. Меня спрашивали о Нем на каждой географической широте. Я сделал с Ним тринадцать фильмов. Мы приступали к следующему. Встреча с этим человеком была для меня важнейшей в моей профессиональной жизни. Это очевидно. А Юрек Помяновский...

В течение десятилетий нашей, могу смело сказать, Дружбы я сознавал, что бесценным сокровищем в жизни является возможность узнать незаурядных людей и умение воспользоваться этой незаурядностью. Я не буду распространяться о том, как много дал всем нам Ежи своими гениальными переводами прозы Бабея,

Солженицына, своими эссе, фельетонами, которые я проглатывал на страницах парижской «Культуры». Мне повезло дружить и иметь возможность регулярно встречаться с Ним на протяжении более двадцати лет пребывания Юрека с Олей в Риме, куда, сначала из Варшавы, а потом из Парижа, я приезжал на съемки. Не все эти фильмы ясно запечатлелись в моей памяти. Настоящим богатством тех лет были регулярные встречи с Ними и бесконечные разговоры, а главное, выслушивание чудесных монологов Юрека на любую тему, от наслаждения, со знанием дела, итальянской кухней до открывания чудес римской архитектуры, музеев, и все это в контексте мировой истории, необыкновенных людей, с которыми этот великолепный человек был знаком, либо, по крайней мере, так много о них знал.

Как мы знаем, писал он прекрасно. Я, очарованный зритель и слушатель, мог еще и восхищаться красочностью и сочностью его бесед. Выразительным польским языком с красивым, слегка грассирующим «р». Со временем разница в поколение, разделявшая нас, начала стираться. И у меня даже возникало ощущение, что я, с осознанной радостью, общаюсь с каким-то более мудрым сверстником. Я понимал абсолютно очарованную своим мужем Олю, которая познакомилась с Юреком молоденькой женщиной, когда он был уже весьма зрелым мужчиной. Впрочем, для меня он всегда выглядел одинаково; и тогда, когда много лет тому назад я ночевал у них в Риме, потому что мне не хотелось возвращаться в отель, и несколько лет назад в моем Дрохичине, где, одетый в розовые плавки, он без колебаний сел со мной в качавшуюся на Буге лодку, и за столом в сочельник два или три года тому назад у нас в Подкове-Лесной, где он с серьезным видом кормил фаршированной рыбой сидевшего рядом с ним на стуле гигантского кота Максимилиана, или, наконец, несколько месяцев тому назад, когда я видел Юрека в последний раз на прощании с Анджеем Вайдой в Кракове. И хотя и Оля, и Он очень любили Рим и прекрасную Италию, это хорошо, что они вернулись в, конечно, несовершенную, но свою страну, и что именно здесь мы прощаемся с Юреком, сознавая, насколько значительный человек польской мысли и культуры только что ушел от нас.

Из речи бывшего министра иностранных дел РП Даниэля Ротфельда на похоронах Ежи Помяновского

Он был представителем польской интеллигенции, считавшей культуру носителем тех ценностей, благодаря которым даже в период, когда люди не могли говорить в полный голос, можно было передать следующим поколениям лучшие традиции и образ мышления. [...] Его главная мысль звучала так — наша основная задача в том, чтобы убирать окаменелости с поля культуры и не позволять этому полю зарастать сорняками.

Анджей Новак, историк (Ягеллонский университет)

О профессоре Ежи Помяновском я впервые узнал из титров, сопровождавших каждый отрывок сериалов «Ставка больше, чем жизнь» и «Четыре танкиста и собака». Он фигурировал в них в качестве литературного руководителя киностудии «Сирена», производившей эти, жадно впитываемые мной (и миллионами других детей в 60-е годы) сериалы.

Потом, уже несколько более зрело, я восхищался талантом Ежи Помяновского как конгениального переводчика Солженицына и Бабея. Так что в середине 90-х годов, когда он переехал на постоянное жительство в Краков, я считал большой честью возможность личной встречи с ним. Профессор заинтересовался моими исследованиями восточной политики Юзефа Пилсудского в 1919-1920 годах, а особенно ролью одного из доверенных проводников этой политики, поручика Мечислава Бирнбаума — как оказалось — дяди Профессора. Я сразу же поддался обаянию подлинных чар доброжелательности, элегантности, эрудиции и мудрости Профессора. Я узнал человека иной эпохи, открытого для окружающих, в том числе для людей с другими взглядами. Его увлекательные воспоминания о военном времени, о пережитом в донбасской шахте, о своеобразном медицинском образовании, полученном в прозекторской в Таджикистане, или демонстрируемое с гордостью письмо от Виткация, поощряющее адресата к дальнейшим литературным дерзаниям — это незабываемые впечатления от бесед с Профессором, которых я удостоился в его только что обставленной квартире на улице Грамматика в Кракове. Он также охотно посещал редакцию журнала «Аркана», где его особенно интересовали тексты, посвященные России, а точнее, их авторы (в том числе особенно Им ценный Влодзимеж Марциняк, нынешний посол Польши в Москве). Он и меня убеждал публиковаться в «Новой Польше» — я принимал это приглашение с благодарностью и пользой для себя.

Он был верным наследником идеи Ежи Гедройца, может быть, вернейшим из тех, кого я имел возможность узнать. Это не антироссийская идея, как некоторые неумно ее интерпретируют, но идея неутомимого поиска «третьей» России, не царско-имперской и не коммунистической, а такой, которая найдет свою свободу среди свободных соседей. Он делился этой идеей не как вдохновенный пророк, а скорее как — прошу прощения за такое сравнение, но Профессор, наверное, не обиделся бы — ее мудрый слуга. Ведь служение Речи Посполитой, а так в разговорах со мной он определял смысл своей работы в «Новой Польше», было для него величайшей честью. А упорный поиск свободной России и установление (постоянно прерывающегося) диалога с ней — он

считал своим участком этой службы. За последние несколько десятков лет никто другой на этом участке не трудился лучше, трудолюбивее, умнее, чем Он.

Михал Сутовский, публицист журнала «Крытыка політычна»

(...) Хотя лучше всего Помяновский запомнился в русско-советских контекстах, он на самом деле хорошо знал Запад, куда эмигрировал после мартовских чисток. Итальянцам, которым он преподавал польскую литературу, он показывал, что на Висле есть какая-то цивилизация — а при случае знакомился с тамошним интеллектуально-политическим ферментом. Со свойственным ему ироничным весельем, не лишенным сожаления о временах его второй (третьей? четвертой?) — в то время шестидесятилетней — молодости, он жаловался как-то, что очень давно не видел своего итальянского друга, лидера движения «Lotta Continua», Адриано Софри^{Адриано Софри (р. 1942) — итальянский журналист и писатель, в 60-е годы лидер крайне левой организации «Lotta Continua» («Непрерывная борьба», итал.), в 1988 г. приговорен к длительному тюремному сроку за участие в убийстве офицера полиции.:} «В последний раз... это было, кажется, за год до того, как его приговорили за заказ на убийство Калабреззи». От радикальных идеологий он держался на расстоянии, но без антиутопической и антикоммунистической истерии, которой, бывало, страдали многие новообращенные из числа коммунистов — сложность человеческих мотиваций и трагедий истории он понимал благодаря чтению своего любимого Бабеля, а еще встречам с великими людьми, сломленными историей — именно ему пришлось констатировать смерть от отравления газом в собственной кухне Тадеуша Боровского. История дружбы с осужденным за политический терроризм (заметим, несправедливо) итальянским интеллектуалом — это лишь один из забавных рассказов, которыми он более шести лет тому назад потчевал меня в краковской квартире — мой единственный долгий разговор с ним, по причине многоярусных отступлений и пугающей эрудиции профессора, для интервью совершенно не годился (оно планировалось как материал для номера журнала «Крытыка політычна» под заголовком «К востоку от Эдема»), но зато оставил мне личный, а потому бесценный опыт. Он позволил мне встретиться с человеком формации, корни которой (родом еще из XIX века) давали надежду на то, что процессы модернизации — со всем их трагизмом — имеют какой-то смысл, и что стоит, как говорит Мария Янион^{Мария Янион — польская писательница, историк литературы.}, толкать в гору этот камень Сизифа.

«Krytyka Polityczna»

Станислав Обирек, теолог

о юбилее Ежи Помяновского

Он не совсем круглый, но все же исключительный — 95-летний, а юбилейные торжества состоялись 25 апреля в Варшавском университете, в Бальном зале Дворца Потоцких. Главным пунктом программы было вручение Памятной книги, озаглавленной «Русский связной. Разговор о Ежи Помяновском». Прекрасно изданный том, иллюстрированный фотографиями, редактировала профессор Ивона Хофман из Университета Марии Склодовской-Кюри, spiritus movens всего мероприятия. Том разделен на две части. В первую, озаглавленную «О Нём», включены воспоминания, во вторую — «Посвящено Профессору» — статьи, связанные с деятельностью и творчеством юбиляра. В первой части оказался и мой текст. Позволю себе привести фрагмент, в котором я вспоминаю, как познакомился с профессором Ежи Помяновским: «Не помню, в каком году это было, но точно был вечер пятницы, потому что я участвовал в богослужении по случаю шабата в синагоге Рему. Как обычно, мы сидели вместе с Хенриком Халковским на одной скамье, и я расспрашивал его о различных деталях встречи шабата. В какой-то момент мы обернулись и поприветствовали наступающий шабат — декламируя песнь «Кабалат-Шабат». А потом тогдашний раввин Шаша Пекарич попросил пожилого мужчину спрятать свиток торы в святом месте — в «Арон ха-кодеш». Хенрик, конечно, знал, кто это. Это был Ежи Помяновский. Так мы познакомились. Мы немного поговорили, и я, конечно, воспользовался приглашением, став гостем Профессора в его краковской квартире. Во время визита он говорил не о себе, а о литературе, по большей части русской. На память мне досталась книга рассказов Бабеля, кажется, это была «Конармия и другие произведения».

«Studio Opinii»

Ксендз Адам Бонецкий, заслуженный редактор журнала «Тыгодник повшехны»

Мы все его должники. Перевод произведений Александра Солженицына — это невероятная заслуга, о достижениях такого ранга следует помнить. Ежи Помяновский был эрудитом и хорошим человеком. Мы были знакомы со времени моего пребывания в Риме. Он часто повторял: «Всегда к вашим услугам».

Кристина Курчаб-Редлих, журналистка, репортер

Мои воспоминания о Ежи Помяновском очень личные. С его творчеством я столкнулась еще до того, как познакомилась с ним лично. Когда я была ребенком, в нашем доме появился Войтек Семион^{Войцех Семион (1928–2010) – польский актер театра и кино.} и начал читать вслух рассказы Исаака Бабея. До сих пор помню, как это меня восхитило. Оказалось, что это были переводы Ежи Помяновского. Во взрослой жизни я обнаружила, что канон русской литературы существует по-польски в его переводе. Позже, когда я посетила Ежи и мою сестру в Риме, то увидела у них на полке только что изданный «Архипелаг ГУЛАГ» в переводе Михала Канёвского. Вхождение в мир Солженицына стало для меня сильным переживанием. А потом оказалось, что Канёвский — это на самом деле Ежи Помяновский. И я, и моя сестра [Александра Курчаб, режиссер, актриса и переводчица, жена Ежи Помяновского] вышли замуж за людей, имманентно связанных с Россией, поэтому мне было легко найти с ним общий язык. Он мог казаться принципиальным, но был невероятно отзывчивым человеком. Помогал, где только мог. И еще одно — он ни о ком никогда не говорил плохо. Встреча с ним была для меня первым контактом с интеллектуалом крупного формата. Благодаря ему я поняла, что это значит: болеть Польшей. Это значительно больше, чем быть патриотом, это патриотизм слова, культуры, ответственности. Он вернулся в Польшу, как только появилась возможность, ведь Ежи Помяновский и сердцем, и мыслью оставался на родине.

Гжегож Гауден, бывший директор Института книги

Меня очень расстроила весть о смерти Ежи Помяновского. Это была необыкновенная, легендарная личность, его вклад в польскую культуру огромен. Он был писателем, переводчиком, организатором культурной жизни, столпом парижской «Культуры». Подростком я читал переведенные им рассказы Бабея, в его исполнении это были переводческие шедевры. Ежи Помяновский перевел «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, познакомив с этим трехтомным трудом польского читателя. Знакомство и возможность работать с ним были для меня огромной честью. Он умер в возрасте 95 лет. До последней минуты руководил основанным им ежемесячником «Новая Польша», выходящим на русском языке и адресованным русской интеллигенции. В этот печальный момент стоит присмотреться к его биографии и задуматься о временах — необычных и страшных — в которые ему довелось жить. Ведь его судьба — это судьба польской интеллигенции XX века.

Адам Поморский, председатель польского ПЕН-клуба, переводчик

Ушел один из знаменитейших польских переводчиков. В основном, он переводил произведения классической и современной русской литературы, но изредка делал переводы и с других языков, например, с немецкого. Это он создал в польском языке канон сочинений Исаака Бабея. Еще он был отличным театральным критиком. В сталинские годы товарищи из ГДР отправили в Польшу театр Бертольта Брехта, рассчитывая на уничтожающую критику его творчества. Тем временем, план не удался — Ежи Помяновский опубликовал воодушевляющую рецензию, вызвав в правящих кругах идейный ступор. Вследствие антисемитской травли 1968 года, когда в Польше ему не давали работать, он с 1969 по 1994 год находился в Италии. Однако так и не отказался от польского паспорта. Именно тогда, в 70-е годы, Ежи Гедройц уговорил его взяться за перевод «Архипелага ГУЛАГ» и других произведений Солженицына для «Культуры». Он был знатоком польско-российских отношений, а также наших связей с другими народами бывшей советской империи, что нашло выражение в его обширной публицистике. В 1999 году как идейный наследник Гедройца (и с его благословения) он создал в Варшаве ежемесячник «Новая Польша», знакомящий русского читателя с результатами польской трансформации. Со временем в журнале все богаче становились разделы переводов польской литературы и исторических работ. Помяновский был выдающимся редактором и руководил журналом до последнего момента, пока позволяло здоровье.

Хенрик Возняковский, публицист, переводчик, председатель Общественного издательского института «Знак»

Его биография содержит характерную формулу судьбы польского интеллигента с еврейскими корнями. Литературную инициацию он прошел еще до войны, потом — российский опыт, коммунизм и, наконец, март 1968 года. Но, в отличие от некоторых мартовских эмигрантов, Ежи Помяновский никогда не пренебрегал Польшей. Его можно назвать исполнителем идейного завещания Ежи Гедройца. Его большими делами были прекрасные переводы Солженицына, а затем «Новая Польша», журнал, основанный им после возвращения на родину. Так же, как сегодня Адам Михник, Адам Поморский или Гжегож Пшебинда, он принадлежал к всё более узкому кругу тех, кто не только действительно знает Россию, но и понимает, насколько ключевым является это знание для Польши. Он был источником несравненных и, к сожалению, в значительной части не записанных забавных историй о самых разных персонажах, в основном из литературного и театрального мира. В последний раз я видел его три недели тому назад на презентации писем Виславы Шимборской и Корнеля Филиповича «Лучше всех живется твоему коту». Это было частью его интеллигентского багажа и призвания — до конца, несмотря на слабость, он хотел быть среди друзей, участвовать в круговороте мысли, держать руку на пульсе польской культуры.

«Gazeta Wyborcza»

2: Соболезнования

Даниэль Бовуа, французский историк, специалист по проблемам Восточной Европы

Глубокоуважаемый г-н Президент,

Я хотел бы попросить, если это возможно, передать супруге г-на профессора и редактора Ежи Помяновского выражения моей глубокой скорби и искреннего соболезнования. Эта смерть для меня особо болезненный удар, ведь я имел честь познакомиться с Ежи Помяновским еще во времена его сотрудничества с парижской «Культурой», а впоследствии разделить его труды на ниве сближения лучших поляков с лучшими русскими, не говоря уже о наших общих усилиях, направленных на то, чтобы Украина заняла достойное место среди европейских народов. Польша потеряла в Его лице прекрасного борца за эти великие идеи и всестороннего гуманиста. Он останется жить в нашей благодарной памяти.

Лявон Барщевский, бывший президент белорусского ПЕН-Клуба, бывший председатель Белорусского народного фронта, переводчик польской литературы

Приношу свои соболезнования.

К сожалению, все меньше и меньше остается людей из этого круга и этого поколения...

Виктор Ярошенко, главный редактор «Вестника Европы»

Примите мои глубокие соболезнования в связи с кончиной Ежи Помяновского.

Мандельштамовское общество

29 декабря 2016 года в Кракове, на 96-м году жизни, скончался Ежи Помяновский (Бирнбаум), польский поэт, писатель, драматург и литературный критик, соратник, основатель и главный редактор журнала «Новая Польша», один из лучших переводчиков поэзии Осипа Мандельштама на польский язык.

Луиджи Маринелли, итальянский историк, специалист по проблемам Восточной Европы

Не будет его лишь физически. Он многое дал также итальянской полонистике и полонистам... Пусть земля будет ему пухом!

Мыкола Рябчук, президент украинского ПЕН-клуба, поэт, эссеист, публицист

От имени всего нашего ПЕН-клуба выражаю огромную скорбь об этом великом человеке, представляющем целую эпоху. Мы соболезнуем вместе с вами, с родными, со всеми друзьями как из Польши, так и из Украины.

Он был нашим общим героем, он — наша общая утрата.
Світла йому пам'ять!

3: Лица Ежи Помяновского

1.

О Ежи Помяновском не стоит рассказывать баек, поскольку байкой — одной сплошной, огромной и многосюжетной, байкой — является вся его жизнь. Эта многосюжетность — причиной тому, что перед нами предстает многоликая фигура, каждое лицо которой, хоть все они и схожи меж собой, обладает собственным выражением. О Помяновском можно говорить и писать как о человеке театра и кино, как о политологе, переводчике, литературоведе, писателе, наконец — хотя этим список далеко не исчерпывается — как о редакторе и, конечно, как об «анекдотчике» (здесь уместно именно русское слово). Богатая и длинная биография этого гуманиста, культивирующего дистанцию по отношению к миру и к себе самому, полна поворотов, иной раз ошеломительных, а портреты его друзей могли бы составить внушительную галерею выдающихся деятелей современности (в широком смысле): Помяновскому везло на встречи с людьми, а кроме того, он умел — как в случае с Виткацием или Тадеушем Котарбинским — такие встречи сознательно провоцировать, что, впрочем, порой оказывало влияние на ход событий. Не подлежит сомнению, что перед исследователями, которым предстоит пробираться по этим биографическим меандрам, порой обращающимся в настоящий лабиринт, найти выход из которого — сродни чуду, встанет задача практически невыполнимая, поскольку судьба Помяновского подобна клубку, нитки которого никогда не удастся распутать до конца. Однако усилия биографов, возможно, будут вознаграждены живописными историями, как, например, та, что повествует о встрече Помяновского с одним крупным деятелем ПАКС (фамилию опустим) после 1956 года. Итак, во время какого-то относительно официального мероприятия их представили друг другу, и член ПАКС, согласно этикету, любезно заметил, мол, «очень приятно с вами познакомиться». Помяновский парировал: «Но отчего ты говоришь мне „вы“? Мы ведь давно на „ты“». И, заметив удивление собеседника, уточнил: «Неужели забыл? 1938 год, университетский дворик. Я лежу на земле, а вы с друзьями с криком: „Жидовская морда!“ — бьете меня ногами».

2.

Первое лицо Помяновского, которое обращает на себя внимание (хотя для многих оно, возможно, представляет меньший интерес) — это лицо политического писателя, сосредоточившего свое внимание на проблеме польско-российских и российско-польских отношений. Помяновский осознает, что они асимметричны, хотя знает также, что это асимметрия не односторонняя и что в поисках плоскости партнерских отношений нельзя ограничиваться лишь одной областью и замыкаться в мире одной среды. Здесь одинаково значимы сфера большой политики и пространство культурного и научного обмена. Помяновский, вне всяких сомнений, принадлежит к числу польских интеллектуалов, образующих круг искателей «иной» России; это об их опыте пишет Тадеуш Сухарский: «Авторы важнейших литературных воплощений польского опыта советской России противостоят „бесплодной и бездумной идиосинкразии“, преодолевают национальные обиды. (...) Такая перспектива меняет восприятие России, существенным образом корректирует стереотипы, бытующие в польском сознании. „Иной“ русский в польских свидетельствах — отнюдь не только homo sovieticus, что не означает, будто мы не обнаружим в этих текстах подобного персонажа. Это уже не вечный и безвольный раб, находящийся во власти „героизма неволи“. (...) Образ грядущей победы свободного русского духа в пространстве порабощения и закрепощения не умаляет тот факт, что в действительности эти зачатки новой России составляла лишь горсточка узников» Tadeusz Sucharski. *Polskie poszukiwania „innej“ Rosji. O nurcie rosyjskim w literaturze Drugiej Emigracji*. Gdańsk, 2008, s. 29-30.

Неудивительно, что поиски «иной» России свели автора «Содома и Одессы» с создателями парижской «Культуры»: он стал одним из авторов (в то время под псевдонимом) второго «русского» номера журнала. По инициативе Гедройца, который особенно заботился о польско-русских связях, уже в свободной Польше был создан журнал «Новая Польша», редакцию которого сформировал, действуя по рекомендации Редактора, Помяновский. Это издание, несмотря на наличие других рубрик, особенное внимание уделяет литературе — как наиболее значимой плоскости диалога с русской интеллигенцией. Речь при этом идет не о «художественной дидактике», а о ценностях, носителем которых является литература, становящаяся исходной точкой для рефлексии над собой и миром. Помяновский пишет: «Пайпс с весьма справедливым почтением цитирует Чехова, выступающего против вплетения проповедей в литературу. Однако именно в пространстве литературы состоялось подлинное рождение российского общественного мнения, именно за библиотечным столом удавалось вызвать его дух. И делала это русская интеллигенция. Напомню, что Пайпс называет ее единственным слоем, заинтересованным в общественных изменениях. В 1900 году в России выходило около тысячи периодических изданий. Однако влияние их читателей на центры власти в масштабах империи было минимальным, поскольку, в

сущности, ограничивалось их собственным кругом. Обилие талантов и само существование феномена русской интеллигенции сделали литературу как субститут, так и рычагом общественного движения» Jerzy Pomianowski. *Na wschód od Zachodu. Jak być z Rosją?* Warszawa 2004, s. 139. . Поэтому неудивительно, что Помяновский совершенно сознательно адресовал свое издание в первую очередь — хотя и не исключительно — именно русской интеллигенции.

Здесь, впрочем, Помяновский усматривает важную для себя и своего утопического видения будущего общность польского и русского опыта, внушающую ему веру в то, что рано или поздно она станет областью подлинного диалога и партнерского союза. Интеллигенция видится ему базовым слоем социальной структуры: «С моей точки зрения, Польша должна гордиться тем, что лишь в Польше и отчасти в России всем понятно, что такое интеллигенция, интеллигент. На Западе такого слова просто не существует. Итальянские или французские интеллигенты считают себя представителями мелкой буржуазии или интеллектуалами. Они не понимают, что являются классом будущего» Jerzy Pomianowski. *To proste. Opowieści Jerzego Pomianowskiego nagrane przez Joannę Szwedowską dla Programu II Polskiego Radia*. Red. Elżbieta Jogała. Kraków-Budapeszt, 2015, s. 54. . Итак, интеллигенция, наиболее громко и отчетливо изъясняющаяся голосом литературы, обречена, согласно концепции Помяновского, играть главную роль на пути к польско-российскому согласию или — если смотреть шире — в процессе формирования общественной и политической гармонии будущего. Такая позиция может показаться утопической, однако не следует забывать, что она глубоко укоренена в опыте прошлого, как далекого, так и недавнего — достаточно вспомнить значение «Колокола» Александра Герцена или «Культуры» Ежи Гедройца, который, кстати, ориентировался именно на это русское издание.

В приведенном фрагменте обращает на себя внимание решительное противопоставление польской и русской интеллектуальной элиты западным интеллигентским кругам. Помяновский, в чьих размышлениях на общественные темы интеллигенция является ключевой категорией, определяет Польшу — именно по причине своеобразного родства русских и польских интеллектуальных элит, сформированных в XIX и XX столетиях схожим опытом имперской политики Кремля — роль посредника между Россией и Западом. Он, впрочем, подчеркивает — указывая при этом на различия между поляками и русскими — что в диалоге с последними следует избегать стереотипного подхода, выражающегося, в частности, в выборе в качестве партнеров исключительно русских западников: «Наивно искать в России союзников лишь среди убежденных демократов и западников. Это явление восходит к традиции попыток насаждения в России идей и систем, возросших на совершенно иной почве. (...) Следует находить взаимопонимание также с российским патриотом и даже с так называемым реакционером — при условии, что тот откажется от агрессии, идей колонизаторства и разделения „сфер влияния”» Jerzy Pomianowski. *Na wschód...*, op. cit., s. 198. . Такая позиция — причиной тому, что Помяновский стал одним из представителей Польши в созданной в 2002 году польско-российской Группе по трудным вопросам. Одной из фундаментальных проблем, очерчивающих область польско-российского диалога, является «украинский вопрос». Здесь Помяновский является продолжателем политического мышления Ежи Гедройца и Юлиуша Меровского, утверждавших, что суверенитет Польши тесно связан с независимостью Украины. В эссе «Русский „польский комплекс” и территория УЛБ» Меровский писал: «Если — простоты ради — обозначить территорию, охватывающую Украину, Литву и Беларусь, буквами УЛБ, мы заметим, что в прошлом — а отчасти и сегодня — область УЛБ представляла собой не просто „камень преткновения” между Польшей и Россией. Область УЛБ определяла польско-русские отношения, обрекая нас или на империализм, или на позицию страны-сателлита. Я бы хотел подчеркнуть два момента. Во-первых — нельзя говорить о польско-русских отношениях в отрыве от территории УЛБ — поскольку польско-русские отношения всегда являлись функцией ситуации, сложившейся в тот или иной исторический период на этих землях. (...) И второе. Мне кажется, что насколько русские украинцев всегда недооценивали и продолжают недооценивать — настолько они всегда переоценивали и продолжают переоценивать поляков. Они неизменно видят в нас соперников, активных или только потенциальных, но непременно соперников» Juliusz Mieroszewski. *Materiały do refleksji i zadumy*. Paryż, 1976, s. 179-81. . Формирование корректных польско-русских отношений возможно лишь при условии признания обеими странами суверенитета Украины и отказа от борьбы за влияние на эту территорию.

Ситуация, разумеется, осложняется возрождением в России имперских устремлений. Анализируя положение дел, Помяновский писал в 2001 году, то есть за три года до вхождения Польши в состав Европейского союза, которое кардинальным образом изменило расклад сил в этой части континента: «Первая и главная преграда на пути возвращения к прошлому — Украина: с ее сырьем, оборонной промышленностью, человеческими ресурсами. И с ее независимостью. Преодоление этой преграды и поглощение Украины вызвало бы лавинообразный эффект. Итак, от Польши зависит, удастся ли остановить процесс. Важно не создавать искушение, не делать Украину легкой добычей. Я думаю, что это единственный способ помочь России и доказать, что есть лишь один путь к ее развитию и нашему покою» Jerzy Pomianowski. *Na wschód...*, op. cit., s. 63. . Иначе говоря, Помяновский выражает убеждение, что в интересах России отказаться от имперских устремлений: это гарантировало бы ей — подобно европейским постколониальным державам — сохранение статуса империи. Поэтому он подчеркивает: «Первый шаг к серьезному разговору с российским общественным мнением, — это

встреча влиятельных представителей России в области науки, политологии и политики со столь же авторитетными фигурами из тех стран, которые с обоюдной пользой уже отказались от своих колоний и захваченных территорий»^{Op. cit., s. 197.}

Этим проблемам в значительной степени — хоть, разумеется, не исключительно — подчинена деятельность Помяновского как члена Группы по трудным вопросам и как редактора «Новой Польши».

3.

Второе лицо Помяновского — лицо знатока и блестящего переводчика русской литературы. Причем особое место здесь занимает театр, прекрасным комментатором которого он является. В эссе об истории русского театра, написанном в 1970 году и опубликованном двадцать лет спустя, автор подчеркивает, указывая на политические цели, которых хотел достичь Петр I, используя публичный театр для борьбы с боярской олигархией: «Кажется парадоксом (вовсе таковым не являясь), что абсолютный монарх, стремясь к безраздельной, тотальной власти, обращается к плебсу для ликвидации остатков свобод (...). Но в интересующей нас области шаг царя вызвал обратную реакцию. Он положил начало антагонизму, который для судеб русского театра представляется более важным, нежели оппозиция „западничество / национальные традиции”. Назовем это противопоставление его подлинным именем. Это конфликт между стремлением власти к полному контролю, формированию материального и духовного бытия подданных — и стремлением народа к свободному выражению собственных наклонностей, культурных устремлений и собственного мнения. Мы говорим — народа, однако отдаем себе отчет в том, что, в сущности, до сих пор от его лица всегда говорила та или иная группа, осознающая это положение и этот конфликт. В России — уже более столетия — такой группой является интеллигенция»^{Jerzy Pomianowski. Wybór wrażeń. Lublin, 2006, s. 249.}

Неслучайно Помяновский в очередной раз называет интеллигенцию социальной группой, которая определяет — не непосредственно, а в долгосрочной перспективе — состояние российского общества, которая представляет собой чаще всего негативную, но значимую точку отсчета для действий власти, использующей методы управления, унаследованные от татаро-монгольского ига. Начиная с Радищева и вплоть до Солженицына именно в литературе — творцы которой, в сущности, обречены были на более или менее изощренные репрессии или гибель, подобно Пушкину и Лермонтову, на спровоцированных дуэлях — мы обнаруживаем то течение русской мысли, которое Адам Поморский метко обозначил в названии своей книги «Скептик в аду». В предисловии к ней он пишет: «Нигде общественное бытие не определяет сознание так неумолимо, как в аду. В культурной среде современной Европы, пожалуй, уникальным явлением представляется русская традиция воспринимать собственное государство как ад. Причем традиция это стойкая, существующая вне поколений, вне строя, являющаяся, вероятно, ровесницей России нового времени»^{Adam Pomorski. Sceptyk w piekle. Z dziejów ideowych literatury rosyjskiej. Warszawa, 2004, s. 9.}

На эту преемственность в опыте русской литературы обращали внимание такие ее знатоки, как Юзеф Чапский или Густав Херлинг-Грудзинский, анализировавшие — главным образом на страницах парижской «Культуры» — факты ее истории XX столетия, особое внимание уделяя творчеству писателей-диссидентов. Подобным образом поступает Помяновский, который — формируя таким образом мощный фундамент для диалога с Россией — дарит польскому читателю русскую литературу в своих переводах; причем будучи выдающимся переводчиком прозы Исаака Бабеля и Александра Солженицына, он имеет в своем наследии также произведения Льва Толстого, Михаила Булгакова или Осипа Мандельштама. Помяновский, вне всяких сомнений, принадлежит к числу тех русистов — увы, немногочисленных — которые отдают себе отчет в том, что знание и понимание России находится в прямой зависимости от знания ее литературы, ибо это наиболее действенный способ избавления от стереотипов, обременяющих видение этой страны. Литература воплощает образ России разной, не сводимой лишь к политическим структурам, полной страстей и реально существующих идейных конфликтов. Но прежде всего она извлекает из хаоса повседневности те реалии, которые определяют в этой стране человеческую судьбу. И именно горький реализм русской литературы — в силу художественного совершенства произведений, представляющих это направление — оказывается для Помяновского-переводчика как предметом восхищения, так и профессиональным вызовом. Плоды его трудов подкупают не только филологической тонкостью, но и точностью в распознавании значений и смыслов мельчайших деталей, что было бы невозможно без дара эмпатии и глубокого знания мира, реконструируемого в этих текстах.

Помяновский — создатель польского Бабеля и польского Солженицына, но помимо этого он выполнял функции, которые призван выполнять подлинный переводчик — возводил мосты. Произведения русских авторов в его переложении на польский язык, с одной стороны, являются фактами польской литературы, с другой, остаются носителями русской культуры. Переводческая стратегия Помяновского нацелена прежде всего на диалог, на создание пространства соприкосновения с Другим и понимания Другого, который из чужого становится знакомым, что, разумеется, не всегда означает — близким. Миссия, которую взял на себя автор «Русского месяца с гаком», принадлежит — учитывая бремя исторических событий и разрушительную мощь закрепившихся стереотипов — к числу исключительно деликатных, требующих специфической интуиции, чтобы не сказать: нежности. В работе переводчика это прежде всего нежность по отношению к литературе, но ее трудно отделить

от нежности по отношению к авторам переводимых произведений, даже тогда, когда переводчик не вполне согласен с их мировосприятием.

Главной точкой отсчета, вне зависимости от художественной ценности переводимых текстов, является для Помяновского правда повествования: «Правда Бабеля честна, однако она скрывает его личные эмоции. Наблюдаемая жадным взором, подмеченная в борозде поля, в лихорадке смерти жертвы, пленника, товарища. Он нагляделся на палачей и подчеркивал, что не способен убивать; и буденовец Афонька устраивает повествователю разнос, потому что тот отправился в битву, не зарядив наган. Это правда — повторяю — более честная, нежели правда хроники. Необыкновенные события Бабель рассказывает нам без восклицательных знаков, лаконично»¹ Izaak Babel. *Utwory zebrane*. Wstęp Jerzego Pomianowskiego. Warszawa, 2012, s. 31. Это та самая правда, которую в своем знаменитом пассаже Александр Солженицын определил как требование жить не по лжи. Применительно к литературе это означает очищение от лжи повествования. И именно эту правду Помяновский переносит в пространство польского языка — затем, в частности, чтобы очистить польский дискурс о России и русских от лжи, которую заключают в себе стереотипы — осознавая одновременно, что правда эта зачастую трудна и болезненна. Но именно в способности принимать такую правду заключается смысл труда, который брал на себя переводчик «Архипелага ГУЛАГ». Таким именно образом Помяновский позволяет своим читателям приблизиться к «иной» России, в чьем существовании он не просто глубоко убежден, но чьи трудноуловимые реалии обнаруживает в области русской литературы. В заключении книги, провокационно названной «Это просто», он говорит: «А ведь труд художника заключается, в сущности, лишь в том, чтобы пробуждать удивление по отношению к вещам уже не раз виденным, делам и явлениям, которые мы переживаем ежедневно и о красоте которых попросту забываем. Задача художника — вызывать это чувство удивления, восхищения, порой даже восторга. Можно даже сказать, что это его призвание и единственная причина, по которой мы аплодируем ему или читаем с той жадностью, с которой я вгрызался в книги»² Jerzy Pomianowski. *To proste....* op. cit., s. 252.

Свидетельство тому, что и его собственный переводческий труд пробуждает подобные чувства — фрагмент интервью, которое Помяновский дал Тересе Тораньской: «Я держу в руке саблю. Не ту, что висит тут на стене, та от митрополита Жицинского. Архиепископ подарил мне ее со словами: „Сабля за Бабеля”»³ Teresa Torańska. *Oni*. Aneks. *Przedmowa* Andrzej Friszke, Warszawa 2015, s. 231.

4: Ежи, Георгий Победоносец

Сразу после ухода такого гиганта, каким был Ежи Помяновский (1921–2016) — писатель, переводчик, редактор, университетский преподаватель, а также политический визионер — попытка нарисовать его портрет представляется задачей просто-таки головоломной. Благодаря ему у нас возникало непреодолимое убеждение, будто это мы повстречали на своем пути такие блистательные фигуры, как Гомбрович, Виткевич, Шульц, Ахматова, Солженицын. Он и сам принадлежал к их числу.

Ежи Помяновский родился 13 января 1921 года в ассимилированной еврейской семье в Лодзи, там же окончил гимназию, причем польский и основы философии преподавал ему Мечислав Яструн. Он еще успел поучиться на философском факультете Варшавского университета, в частности у Тадеуша Котарбиньского, однако в сентябре 1939 года был мобилизован в 36-й полк Академического легиона «Дети Варшавы» и отправлен на восточный фронт.

Раненый, попал в госпиталь в Луцке, на Волыни. Там его после 17 сентября подобрала Красная Армия, в результате чего Помяновский оказался в госпитале в Донецке. Затем была работа на донбасской шахте «Краснополье», жизнь в Сталинабаде (Душанбе), в Таджикистане, где он служил на «скорой помощи» и начал изучать медицину, чтобы в 1947 году с отличием окончить Первый Московский медицинский институт. В 1944–1946 гг. Помяновский был московским корреспондентом Польского агентства печати, в 1947 ему удалось перебраться из Страны Советов в Польшу. Там — подобно Антону Чехову и Михаилу Булгакову — он делает выбор между искусством врачевания и литературой — в пользу последней: «Обручился я с медициной, однако детей имел от литературы», — любил повторять профессор. После такого основательного курса русского языка он занялся также художественным переводом. В частности, переводил обоих упомянутых выше русских докторов — «Смешные рассказы» Чехова и «Багровый остров», «Мольера» и «Дон Кихота» Булгакова. В своем позднем эссе «Чем литература обязана медицине» Помяновский писал: «Нас учили — и мы выучили это назубок — что все люди равны. Во врачебной деонтологии эта заповедь звучит иначе и заключается в долге никому не отказывать в помощи, вне зависимости от происхождения, вероисповедания, цвета кожи... (...) принцип — без которого не может быть свободы и братства. В книгах, принадлежащих перу врачей, этот принцип обычно ощутим (...) Чехов сказал когда-то: “Веровать в бога нетрудно. В него веровали и инквизиторы. Нет, вы в человека уверуйте!”».

От Санкт-Петербурга до Рима

Он прижился и на Западе, прежде всего в Италии, куда был вынужден эмигрировать после 1968 года и где четверть века преподавал польскую литературу в университетах Бари, Флоренции и Пизы. Чувствовал себя как дома в Париже, где регулярно навещал Гедройца, встречался с Ириной Иловойской-Альберти и Натальей Горбаневской в редакции еженедельника «Русская мысль». Бывал также в Мюнхене, где в 1970 году беседовал с Эрихом Кестнером, которого переводил еще в ранней юности.

Уже после окончательного возвращения в Польшу в 1993–1994 гг., поселившись в изысканном довоенном особняке на улице Грамматика в Кракове, он курсировал между Малопольшей и Варшавой, ездил в Сараево на встречи боснийского и польского ПЕН-клубов, в Триест на конференцию, посвященную Шульцу — с которым, разумеется, также познакомился до войны, кстати, при посредничестве Станислава Игнация Виткевича. Любимым городом Помяновского был Рим, но приезжал он в девяностые годы и в Санкт-Петербург — с лекцией, посвященной восточной политике парижской «Культуры», а в июне 1995 года встретился в Москве с Александром Солженицыным, чей «Архипелаг ГУЛАГ» конгениально перевел для Гедройца, тогда еще скрываясь под псевдонимом Михал Канёвский. Он также перевел — под тем же псевдонимом — «О стране и мире» Андрея Сахарова и «Концентрационный мир и советскую литературу» Михаила Геллера. Все это я с волнением читал во время учебы в Кракове в 1978–1983 гг., опосредованно учась у Помяновского — как и у Анджея Дравича — что «русский» не означает «советский», а врагом Польши является империя, а не конкретные люди.

В своей жизни Ежи Помяновский не только преодолевал огромные географические пространства, но также успешно сражался с жестоким временем — он поистине прожил несколько исторических эпох. В миновавшем XX веке — семьдесят девять лет, в веке XXI — шестнадцать... Всего на полгода моложе Иоанна Павла II, он был ровесником — с точностью до месяца — Кшиштофа Камиля Бачиньского, а также Тадеуша Ружевица. Ежи Помяновский с гордостью вспоминал свои русские встречи во время войны и после нее с Анной Ахматовой в Ташкенте и Москве, с Борисом Пастернаком, Юрием Олешей, поляком по происхождению, автором на шумевшей тогда «Зависти», с гениальной актрисой Фаиной Раневской и Евгением Шварцем, незаслуженно забытым ныне автором драматургических «Сказок для взрослых», таких как «Дракон», «Дон Кихот» или «Тень». Помяновский встретился со Шварцем в среднеазиатском Сталинабаде — в сорок втором или сорок третьем, это было «самое дно военного времени», как он потом говорил. Спустя двадцать пять лет — в 1967 году — он еще успел до своего отъезда опубликовать в краковском «Литературном издательстве» блестящий сборник Шварца «Сказки для взрослых» и способствовал мировой премьере в Народном театре в Новой Гуте его «Дракона». В этой пьесе Шварц блестяще описал процесс гниения человеческой души в тоталитарном обществе — не только души тирана, но и души подданного.

Искусство перевода

Помяновский также перевел с русского языка семь стихотворений Мандельштама, с поэзией которого познакомился на донбасской шахте «Краснополье»: «“Tristia”», — вспоминал он, — я обнаружил в библиотеке лазарета. Фамилия автора на шмуц-титule была предусмотрительно вырезана («Из поэзии Мандельштама. Семь стихотворений»). Два стихотворения Мандельштама в переводе Помяновского — «Еще далеко мне до патриарха» и «Сегодня ночью не солгу...» — были напечатаны в журналах «Кузница» и «Одродzene» в 1946 году, когда в Стране Советов не полагалось произносить даже имя убитого Сталиным поэта. Второе стихотворение спустя годы снискало в Польше популярность под названием «Цыганка», его мастерски исполняла Эва Демарчик под скрипичный аккомпанемент Збигнева Водецкого. Характерно, что оригиналы этих стихотворений Помяновский получил из рук вдовы поэта — нестигаемой Надежды Мандельштам. Интересно, что уже в свободной Польше Помяновскому пришлось защищать поэта от... Милоша, который осудил Мандельштама за написание — во имя спасения жизни, а может, и поэзии — хвалебного стихотворения о Сталине: «Мерить мерой абсолютной, — справедливо возражал Помяновский, — невзирая на время, место, условия, окружение — занятие бесчеловечное и к тому же бесплодное, поскольку судья не знает, как бы сам себя повел в пограничной ситуации» («На тему свержения памятников», «Газета wyborча», 30.11–1.12.1996). Он также переводил Ахматову, которую считал «прекраснейшей из поэтесс шестого континента, которым является и являлась Россия», конгениально перевел «Архипелаг ГУЛАГ» и «В круге первом» Александра Солженицына. Однако главным достижением творческой жизни Помяновского навсегда останутся переводы Бабеля: польскоязычные «Конармия», «Одесские рассказы», «Дневник 1920 года», драма «Закат» — это жемчужины на вес золота. Художественный перевод был для него не просто ремеслом, но высоким искусством, призванным к тому же способствовать примирению наций в Европе — от Атлантики до Урала. Из личных разговоров я знаю, что Ежи Помяновскому была очень близка идея двух «легких» христианства — католичества и православия — которую вслед за русским поэтом Вячеславом Ивановым гласил Иоанн Павел II. Переводом Помяновский стал заниматься еще в тридцатые годы, начав с «Lyrische Hausapotheke» («Лирической домашней аптечки») доктора Эриха Кестнера. Уже в наши дни Карл Дедечиус, описывая в книге «Deutsche und Polen» («Немцы и поляки») необычные, уникальные случаи дружбы, объединяющей немцев и поляков в сложном XX веке, вспоминал «некоего Помяновского, который всю войну носил в солдатском ранце, а позже в

ранце военнопленного томик Эриха Кестнера, как раз эту “*Lyrische Hausapotheke*”, из-за которой у него возникли определенные проблемы» (из книги 2015 года «Это просто», в которую вошли гениальные рассказы Ежи Помяновского, записанные Иоанной Шведовской для Второй программы Польского радио). Эти проблемы возникли еще в сентябре 1939 года, в вышеупомянутом польском госпитале в Луцке, когда Помяновскому пришлось объясняться по поводу немецкой книжки; к счастью, под рукой оказалась — в качестве алиби — вырезка из довоенных «Шпилек» с его собственным переводом «Аптечки». Хуже было после 17 сентября, когда он попал в лапы СССР: «При досмотре перед первым спуском в шахту «Краснополье», еще до того, как нас разместили в близлежащем лагере, у меня обнаружили эту книгу. Мне, однако, повезло, рядом оказался врач — спасибо ему — доктор Устименко, украинец, знавший немецкий язык. Сидел он не первый год (...) Устименко сказал: “Это всякая ерунда, сатирические антигитлеровские стишки”». Это сработало, потому что донбасское НКВД — хотя дело было уже после пакта Риббентроп-Молотов — еще, видимо, не забыло антифашистскую пропаганду, которой полна была советская пресса до союза Сталина с Гитлером.

После 1968 года, во время своей преподавательской деятельности в университетах в Пизе, Флоренции и Бари, Ежи Помяновский способствовал появлению в Италии профессиональных переводов Фредры, его студенты и друзья переводили также Казимежа Брандыса, Юзефа Хена, Тадеуша Жихевича. В это время на итальянском языке вышли Виткаций, Гомбрович, Шульц, Мрожек. Помяновский с гордостью подчеркивал успех театра Кантора на итальянской земле, а жена профессора — Александра Курчаб-Помяновская — успешно переводила на итальянский поэзию Войтылы и Милоша.

Интеллигент читает книги

Неудивительно, что он любил похвастаться знакомством «с такими блистательными фигурами, как Яструн или Гомбрович, Виткевич или Тувим, Ахматова или Солженицын». Помяновский был также щедр на похвалы современным соотечественникам, которых ценил чрезвычайно высоко: «Мы здесь, в Польше, живем в чудесную, великолепную эпоху, эпоху невиданного расцвета нашей литературы, причем литературы на редкость важной и серьезной. Я очень горжусь тем, что являюсь хотя и скромным, но все же современником таких людей, как Милош, Мрожек, Херлинг-Грудзинский, Конвицкий, Херберт, Лем, Брандыс — и один, и другой, Шимборская, Щепаньский, Щипёрский, Фицовский, Кралль, Хюлле, Кесьлевский, Ворошильский. Ведь это поистине блестящая плеяда огромных талантов. И все они — прибавлю к этому ряду также публицистов, таких, как мой светлой памяти друг Стефан Киселевский, как Братковский, Кусьмерек, Комар, Щенсна или Парадовская — феномены! Феномены, то есть личности, сохранившие трезвый взгляд и острое перо в то время, как огромные массы умных людей дали себя оглупить» («Это просто»).

Представитель интеллигенции — тот, кто читает книги. Ежи Помяновский любил рассказывать байку о том, как русский царь боролся с печатным словом: «Как-то в тридцатые годы XIX века граф Бенкендорф, начальник Третьего отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, то есть позднейшей охранки, был вызван к милостиво царствующему царю Николаю I. Царь спрашивает: — Я слышал, граф, что вы собираетесь в путешествие по Германии. — Это так (...) — отвечает граф Бенкендорф. — У меня к вам просьба. Прошу вас посетить город Нюрнберг и отыскать там памятник некоему Гуттенбергу, тому, что изобрел книгопечатание. Если вы его разыщете, то, пожалуйста, плюньте ему в лицо» («Это просто»).

Литература была для него «совестью, исповедью народа, и к исповеди этой следует прислушиваться». «Нет иных элит, — говорил Помяновский, — кроме элиты людей образованных и опытных». Он не верил в сколько-нибудь значительную роль с трудом нарождающегося в Польше среднего класса. Предостерегал соотечественников от того, «что греки именуют охлократией, то есть властью толпы, чтобы не воспользоваться тут грубым словом “чернь” и не навлечь на себя упреки в идиосинкразии к демократии». Главной чертой интеллигента (не врожденной, а приобретенной, то есть выработанной) Помяновский считал способность к бескорыстной службе на общее благо.

Новая Польша

Ровно шестнадцать лет назад я писал для журнала «Тыгодник повшехны» текст к восьмидесятилетию Ежи Помяновского, который пророчески озаглавил «Человек XXI века». На тот момент я был знаком с юбиларом уже семь лет, с тех пор, как в 1994 году — в то самое время, когда в Россию после двадцати лет вынужденной эмиграции возвращался великий Александр Солженицын — Ежи Помяновский репатриировался с итальянской земли в Польшу. Вместе с женой Александрой он решил поселиться в Кракове, в доме семь по улице Грамматика. В 1994 году я уже жил на углу улиц Лео и Хоцимской, к счастью, в двух шагах от пана Ежи. На протяжении двадцати лет (1994–2014) я навещал его бесчисленное количество раз, тем более, что уже в 1999 году он предложил мне стать членом редакции основанного им — по инициативе Гедройца — журнала «Новая Польша». В состав редакции до самой смерти в ноябре 2013 года входила также Наталия Горбаневская, с которой мы оба были давнишними друзьями.

Сразу после похорон Гедройца Помяновский говорил о своем новом издании так: «Журнал выходит уже год. Он достигает дальних концов огромной России, ее интеллектуального авангарда. (...) Наконец наступило время, когда мы можем говорить с русскими как равный с равным. Ведь только так можно понять друг друга». С тех пор

и на сегодняшний день вышло сто девяносто номеров журнала, который создается в Варшаве и Кракове, печатается — для удобства — в Москве, а распространяется как по библиотекам Российской Федерации, так и по домам русской интеллигенции. Не всем в России это по душе — например, редактор «Нашего современника» Станислав Куняев в пасквиле «Шляхта и мы» (2002) выступил с нападками на Помяновского и Польшу в целом, да и ваш покорный слуга был сурово осужден в интернете за статью об Александре Вате (свой текст мои оппоненты озаглавили, о ужас, «Поляки атакуют Сталина»). В конце 2009 года господин Куняев, также сталинист, даже подал в московскую прокуратуру жалобу на «экстремистскую “Новую Польшу”», завели дело, но сразу после смоленской катастрофы спустили на тормозах. Тот, кто знал Ежи Помяновского, понимает, что все это его только подзадоривало.

Ближайший Восток

Ежи Помяновский — таково еще одно мое непреодолимое убеждение — принадлежал к польской интеллигенции, был ее неотъемлемым элементом. Навсегда осев в 1993–1994 в Кракове, он мог бы спокойно принимать заслуженные почести, дипломы и кресты заслуги, вести ученые диспуты на вечные темы. Однако его влекла к себе прежде всего большая история, то есть сегодняшний день, кроме того, он был неизлечимо болен Польшей. Помяновский, подобно Гедройцу, жаждал воздействовать на развитие событий в нашей части Европы — на Родине и на Ближайшем Востоке. В 2000 году он сказал: «Я присутствовал на похоронах Гедройца в Мезон-Лаффитте, но я не хочу пережить, не хочу присутствовать на похоронах его концепции». Он описывал эту концепцию многократно, в частности на страницах еженедельника «Тыгодник повсехны» в сентябре 2000 г. в статье памяти Гедройца, озаглавленной «Хлеб из Мейшаголы»: «Он был уверен, что распад Советского Союза неизбежен. (...) Именно Гедройц с Меровским сформулировали те принципы восточной политики Польши, которые являются для нас залогом прочной независимости. Одновременно они являются и решением вечной дилеммы — как иметь дело с суверенной Украиной, не наживая себе при этом врага в лице России? Гедройц не считал свою концепцию инструментом воздействия на Россию и русских. Он разделял мнение, согласно которому независимость наших общих соседей — это условие развития самой России, важнейшим же тормозом необходимых в России реформ является искушение отвоевать Украину».

Не стоит добавлять, что сегодня ответы на эти вопросы уже не столь очевидны, как это было сразу после смерти Гедройца. Россия отвоевала крымский кусок Украины и дестабилизировала ее восточные области, а на Украине после второго Майдана — по причине беспримерной коррупции и беспомощности нынешних властей — существует опасность третьего взрыва. Поляки в России стали дежурным врагом, а в Польше русофобия, как никогда прежде, оказывается фактором, влияющим на голоса избирателей. Серьезный подход ко всему близлежащему Востоку, не ограничивающийся лишь Беларусью, Россией и Украиной, исчезает на наших глазах.

Помяновская память

В этой одной личности соединилось столько поразительных качеств, что хватило бы на легион. В минуту прощания мне в голову приходит лирическая фраза Мандельштама о двух сестрах — «тяжести и нежности». О да! Ежи Помяновский умел говорить и писать о вещах фундаментальных языком элегантным и легким, точно птица, ритмичным и на слух, и на бумаге, он обращался к метафорам и фразеологизмам, каких было не встретить нигде больше, оставаясь при этом до боли точным и конкретным. Прибавьте к этому юмор и иронию, способность осмысливать — словно «мальчишки» у Достоевского — вечные проблемы, и одновременно — радость от этой единственной, неповторимой жизни, чувственность, восхищение природой и прекрасным. Кроме того, Профессор обладал еще одним удивительным даром — необыкновенной памятью, которую я осмелюсь назвать «помяновской памятью». Благодаря ей и у нас в XXI веке могло возникать непреодолимое убеждение, будто мы встретили на своем пути такие блистательные фигуры, как Виткевич или Шульц, благодаря ей мы вместе с повествователем могли углубиться в меандры политики Пилсудского или слушать интригующие истории об итальянской политике восьмидесятых годов XX века.

Придя к нам из давней эпохи, профессор Ежи Помяновский был максимально погружен в сегодняшний день, а покоя ему не давало прежде всего будущее Польши. Утром того дня, когда он умер, я, еще не зная о его смерти, взял в руки «В круге первом» в его переводе и вглядывался в сделанную 8 июня 1995 года в Москве фотографию на четвертой стороне обложки. На ней — рядом — два прекрасных, чуть улыбающихся лица двух гигантов духа и разума XX и XXI века — русского Александра и польского Ежи. Когда в августе 2008 года Солженицын умер, Помяновский опубликовал в «Политике» прощальное эссе — «Прощай, великий Александр». Прощай и ты, великий Ежи-Георгий, и пусть тот дракон, с которым ты столь мужественно и доблестно сражался всю свою долгую жизнь, не получит больше ничего, сверх того, что отвоевал в последние два года. Да и это пускай утратит.